

Предисловіе редактора русскаго изданія.

„Логическія изслѣдованія“ проф. Э. Гуссерля—первая часть которыхъ, посвященная уясненію понятія и основъ науки логики, предлагается теперь вниманію русскихъ читателей—представляютъ, по согласному мнѣнію специалистовъ, одно изъ самымъ выдающихся произведеній логической литературы послѣднихъ лѣтъ. Безспорная заслуга Гуссерля—все равно, раздѣляемъ ли мы его собственную точку зрѣнія или нѣтъ—состоитъ въ томъ, что онъ вноситъ подлинную ясность въ основныя логическія понятія и тѣмъ содѣйствуетъ разрѣшенію споровъ, которые грозятъ затянуться до безконечности въ силу двусмысленности и неопредѣленности понятій и терминовъ. Таковы споры о „нормативномъ“ или „естественномъ“ характерѣ логическихъ законовъ, объ объективности и субъективности познанія, объ отношеніи между логикой и психологіей и т. п.

Самъ Гуссерль стоитъ на точкѣ зрѣнія, которую можно было бы назвать идеалистическимъ объективизмомъ. Онъ проводитъ рѣзкую и ясную границу между объективнымъ идеально-логическимъ содержаніемъ мышленія и субъективнымъ, реально-психологическимъ процессомъ мышленія; на почвѣ этого разграниченія онъ рѣшительно отвергаетъ всѣ попытки перенести на содержаніе мышленія или познанія субъективистическія или психологистическія категоріи, примѣнимыя къ процессу мышленія и заимствованныя изъ разсмотрѣнія послѣдняго. Эта позиція находится въ двойственномъ отношеніи къ идеямъ Канта и къ современному философскому ученіямъ, отразившимъ вліяніе

Канта. Съ одной стороны, никто глубже, чѣмъ Кантъ, не подмѣтилъ основного различія между психологическимъ происхожденіемъ и логическимъ (или гносеологическимъ) значеніемъ нашихъ идей, между генетическимъ (каузальнымъ) объясненіемъ познанія въ психологіи и критическимъ уясненіемъ его въ гносеологіи; достаточно указать, что именно это различіе положило конецъ многолѣтнему спору между эмпиризмомъ и рационализмомъ, путемъ выясненія, что познаніе психологически проистекаетъ изъ опыта, но логически не можетъ быть цѣликомъ обосновано на опытныхъ данныхъ. Съ другой стороны, однако, можно также сказать, что никто не содѣйствовалъ распространенію психологизма и субъективизма въ философіи болѣе, чѣмъ Кантъ, который заставилъ весь объективный міръ „вращаться“ вокругъ человѣческаго сознанія. Правда, понятія „сознанія“, „разума“ и т. п. употребляются Кантомъ въ столь многозначномъ и мало выясненномъ смыслѣ, что, какъ извѣстно, весьма трудно уловить подлинное значеніе соответствующихъ утвержденій Канта. Однако, невозможно отрицать наличность прямыхъ противорѣчій въ его анализѣ познанія, и безспорно, что оба эти мотива—и психологистическій, и антипсихологистическій—присутствуютъ и даже рѣзко выражены въ его философіи. Этимъ было создано, по справедливому замѣчанію Гуссерля (стр. 107), „невыносимое смѣшеніе отчасти правильныхъ, отчасти ложныхъ утвержденій“. Въ какой мѣрѣ это смѣшеніе царитъ еще и въ современной гносеологіи, находящейся подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Канта и разныхъ формъ кантіанства,—это показываетъ представленный Гуссерлемъ поучительный разборъ логическихъ работъ Зигварта, Эрдмана, Ланге и др. Гуссерль, по меньшей мѣрѣ, вноситъ полную ясность въ положеніе дѣла, рѣшительно примыкая къ антипсихологистической тенденціи Канта и столь же рѣшительно отвергая противоположную, психологистическую тенденцію.

Еще большее значеніе имѣетъ трудъ Гуссерля, если противопоставить его тѣмъ уже явно психологистическимъ и релятивистическимъ идеямъ, которыя приобрѣли большую популярность въ послѣднее время. Мы разумѣемъ не только логическія воззрѣнія Милля, но и главнымъ

образомъ „эмпириокритицизмъ“, а также самоновѣйшую форму скептического релятивизма—т. наз. „прагматизмъ“. Эмпириокритицизмъ, который пользуется исключительнымъ признаніемъ среди нѣкоторой части нашей интеллигенціи, подвергнутъ сжатой, но мѣткой и мастерской критикѣ въ особой (IX) главѣ этой книги. Признаніе плодотворности и законности „принципа экономіи мышленія“, какъ телеологической точки зрѣнія въ психологіи познанія, сочетается у Гуссерля съ убѣдительнымъ уясненіемъ несостоятельности этой философской концепціи, поскольку она притязаетъ замѣнить собою подлинный гносеологическій анализъ. О „прагматизмѣ“ Гуссерль еще не упоминаетъ, такъ какъ появленіе его книги (въ 1900 г.) предшествуетъ расцвѣту этого движенія, но читателю не трудно будетъ отнести общіе аргументы Гуссерля и къ этой, самой рѣзкой формѣ критикуемаго имъ субъективизма. Принципіальный объективизмъ Гуссерля пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, и широкій культурно-философскій смыслъ, какъ одинокій, но сильный протестъ какъ бы самого научнаго духа противъ распространяющихся вліяній скептического и субъективистическаго умонастроенія, грозящихъ пошатнуть довѣріе къ научной истинѣ и поколебать ея самодовлѣющее значеніе.

Переводъ предлагаемой первой части работы Гуссерля не представлялъ особыхъ терминологическихъ затрудненій, такъ какъ большинство сложныхъ и трудно-передаваемыхъ новыхъ логическихъ терминовъ, введенныхъ Гуссерлемъ и въ изобиліи употребляемыхъ имъ во второй (спеціальной) части его изслѣдованія, либо вообще не упоминаются въ первой части, либо же встрѣчаются въ ней только спорадически и безъ твердо установленнаго техническаго значенія, такъ что ихъ можно было передавать описательно и въ зависимости отъ общаго контекста. Нѣкоторое сомнѣніе возбуждала только передача термина „Wissenschaftslehre“. Слово „наукоученіе“, на которомъ я остановился при его переводѣ, отчасти неудобно тѣмъ, что оно исторически ассоціировалось съ системой Фихте, къ которой идеи Гуссерля не стоятъ ни въ какомъ близкомъ отношеніи. Однако, замѣнить его удобнымъ въ иныхъ отношеніяхъ терминомъ „теорія науки“ (не говоря уже о менѣ точныхъ передачахъ)

оказалось невозможнымъ, такъ какъ именно теоретическій характеръ этой дисциплины является въ работѣ Гуссерля спорнымъ вопросомъ, подлежащимъ разрѣшенію. Съ другой стороны, если самъ авторъ пользуется терминомъ „Wissenschaftslehre“—который по нѣмецки тоже, вѣдь, непосредственно наводитъ на мысль о системѣ Фихте—въ новомъ значеніи, примыкая не къ ученію Фихте, а къ одноименному ученію Больцано, то не было основанія не дѣлать того же и въ русскомъ переводѣ.

С. Франкъ.

Спб., Октябрь 1909 г.